

эзии больше слова, нежели весь лексикон за границами художественных произведений. Поль Валери отделил поэтическое слово от обыденного, придумав прекрасную легенду о банкнотах и золотой монете.

И все же произведение художественной литературы не является, строго говоря, объектом эстетического восприятия. Оно, взятое само по себе представляет собой лишь костяк, наглядно выступающий, доступный зрительному восприятию. Каждый читатель облакает его в новое “тело”. Это своеобразное со-творчество дает возможность высвечивать истину или “нескрытость”.

Итак, специфику онтологического взгляда на литературное произведение можно определить как шаг в сторону развернутости бытия, жизни вещей, таких, какими они даны первоначально. В конечном итоге анализируется то, что названо “кромкой бытия” (М. Мерло-Понти): это свойства “движения”, “глубины”, “цвета”, “формы”. Сквозь текст начинает просматриваться собственно вещество.

Т. А. Савина
Екатеринбург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ СПЕЦКУРСА “ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ И РУССКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ”

Существующее разнообразие форм преподавания философского знания позволяет значительно расширить содержательную часть учебного процесса и при этом использовать различные факторы приобщения студентов к гуманистическим ценностям культуры.

Спецкурс “Западно-европейский и русский экзистенциализм” построен на анализе обширного материала мировой художественной литературы. Это диктуется проблемным полем и неакадемическим характером философствования экзистенциалистов. Экзистенциализм отказывается от ориентации на теоретически развитое знание и стремится вслушаться в подвижные умонастроения и ситуационно-исторические переживания человека современной эпохи.

Философы-экзистенциалисты полагают, что важнейшие истины относительно самого себя и мира человек открывает не путем научного знания или философских спекуляций, а посредством чувства. Обращение к таким вопросам, как судьба личности в современном мире, вера и неверие, обретение и

утрата смысла, и т. д., сделало его популярным среди писателей, художников и поэтов. А с другой стороны побудило самих философов обратиться к языку искусства.

Датский философ С. Кьеркегор пользуется косвенным способом изложения своих идей, выступая то как писатель, то как религиозный проповедник. Две первые стадии самосознания личности (эстетическую и этическую) Кьеркегор раскрывает в “Афоризмах эстетика”, в “Дневнике обольстителя” и в работе “Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал”, написанной в виде письма к другу, где он обосновывает знаменитый “выбор самого себя”. В работе “Страх и трепет” Кьеркегор показывает, что отчаяние и ужас Авраама не являющиеся бессмысленными: в этих криках открывается новое измерение истины.

Основатель французского экзистенциализма Ж.-П. Сартр для выражения своих философских идей обращается к языку художественных образов. Отвлеченные идеи Сартра присутствуют в его художественном творчестве. В романе “Тошнота” писатель характеризует “бытие-в-себе” как удушающий массив материальности. В целом ряду сартровских произведений (“За закрытой дверью”, “Спальня”, “Альтонские затворники”, “Пути к свободе”) его герои пребывают взаперти, в тесном замкнутом пространстве. Иногда это вызвано внешними обстоятельствами, а иногда это добровольное затворничество. Жизнь в четырех стенах, добровольное затворничество — лишь неустойчивый компромисс, позволяющий хоть как-то сохранить в неприкосновенности свою личность, хоть как-то ослабить гнетущее воздействие внешнего мира.

А. Камю — французский писатель и философ раскрывает тему абсурда и нигилизм в эссе “Миф о Сизифе” и в повести “Посторонний”. Герой Камю Мерсо не принимает условностей и маскировки общества и потому он чужой в этом мире.

Во второй части повести суд и следствие над “посторонним” выливаются в суд Камю над поддельными ценностями общества. Мерсо отправляют на эшафот, в сущности не за совершенное преступление, а за то, что он пренебрег лицемерием, из которого соткан долг. Тема бунта, как утверждение универсальных человеческих ценностей раскрыта в пьесе “Праведники” и в романе “Чума”.

Проблемы человеческого существования нашли отражение в творчестве выдающегося русского писателя Ф. М. Достоевского. В. Розанов назвал Достоевского “глубочайшим аналитиком человеческой души”. Одна из антропологических идей Достоевского — это идея о том, что человек в целостности своей

природы есть существо иррациональное и его полное объяснение недоступно для разума.

Эта тема начинает звучать в полный голос в “Записках из подполья”. Подпольный герой Достоевского отвергает всякую рациональную организацию всеобщей гармонии и благополучия. В образе подпольного человека писатель показывает, что человек, может быть, любит не одно благополучие, а разрушение и хаос. Человек любит страдание. Достоевский раскрыл противоречивую метафизику русского духа, как глубочайшую ее особенность. Митя Карамазов восклицает: “Нет широк человек, слишком широк, я бы сузил”. Красота у Достоевского загадочна и противоречива. Он не созерцает покоя красоты, а видит в ней столкновение света и тьмы, показывает в образах inferнальных женщин темное, демоническое начало красоты. В “Преступлении и наказании” Достоевским впервые и наиболее обстоятельно раскрыта идея абсолютного значения личности. Писатель считал, что всякий человек и его жизнь имеют безусловное значение. Человек — бессмертный дух, Лик Божий, а не преходящий эмпирический феномен и пассивный продукт социальной среды. Жизнь и судьба самого последнего из людей имеют абсолютное значение перед лицом вечности. Бессмертная природа не даст права на убийство даже ради благородных целей. Человеческая совесть есть выражение этой бессмертной природы. Тема свободы стоит в самом центре мировоззрения Достоевского и разрешена в “Легенде о Великом Инквизиторе”. Его религиозная антропология стала возможной лишь после длительного и трагического пути, пройденного человеком в “Преступлении и наказании”, “Идиоте”, “Бесах”, “Подростке”.

Одна из тем спецкурса посвящена западно-европейской литературе, обратившейся к теме отчуждения. Ф. Кафка — “певец” отчуждения. Герои Кафки в его романах “Процесс” и “Замок” оказываются во власти слепых, анонимных, иррациональных сил, стоящих выше человека и неведомых ему. Природа этих сил неизвестна. Мир, показанный Кафкой в его произведениях, — абсурдный мир. Картина мира, созданная Кафкой, изломана, дышащая жутью и безнадежностью. Пожалуй никто из многочисленных пессимистов мировой литературы даже в самых мрачных своих раздумьях не низводил человека до столь жалкого состояния. Герой Кафки Иосеф К. приходит к неутешительному выводу: “Единственно правильное — это примириться с существующим порядком вещей”. В повести “Превращение”, в новеллах “Сон”, “В исправительной колонии”, “Сельский врач”, “Верхом на ведре”, “Старинная запись” трагизм мироощущения перерастает в слепой ужас перед бытием.

Спецкурс “Западно-европейский и русский экзистенциализм” рассчитан на студентов гуманитарных факультетов, имеющих базу знаний в области художественной литературы.

Т. Э. Тийттанен
Иркутск

СЛОВО И ДЕЛО В НАРОДНОЙ АФОРИСТИКЕ

Наличие в пословичных изречениях философского содержания позволяет им выступать квинтэссенцией народного мировоззрения. Являясь принадлежностью мировоззренческой культуры, данные народные афоризмы несут в своем содержании определенное знание о мире, его оценку и выступают регулятивами, в частности, установками поведения и мышления. Выполняя указанные функции, пословичные изречения являются своеобразными правилами ценности и правилами поведения.

В народной афористике нашли выражение нравственные ценности трудового народа: все пословичные изречения решают извечный вопрос “Что такое хорошо и что такое плохо?”, отражают отношения с точки зрения справедливости, общего блага, выражают отдельные грани должного, стремления к совершенству. Мировоззренческая установка морали как раз и позволяет народным афоризмам выражать не только сугубо нравственные, но и экономические, политические и иные отношения, т. е. в синкретичном виде включать в себя различные стороны общественного сознания, в чем проявляется связь пословичных изречений со всем общественным сознанием эпохи не только в горизонтальном его срезе (формы общественного сознания), но и в вертикальном (общественная психология — общественная идеология).

Пословичные изречения, отражая мир и оценивая его, регулируют все стороны жизни субъекта, выступают в роли своеобразной практической установки мышления и бытия. Выступая чаще как нравственная практическая установка, пословичные изречения выполняют роль внутреннего мотива деятельности субъекта. Художественно-эмоциональный строй народных афоризмов способствует непосредственному, неосознаваемому усвоению норм поведения, переносу их на себя, что является основой саморегуляции и самовоспитания.

Высокий уровень обобщения и иносказание пословичных изречений имеют понятийный характер: отражение всеобщего в состоянии явлений, иное сказание есть зарождающееся понятие, или категориальное представление, еще не выражен-